

В Большом близится долгожданная премьера «Светлого ручья» Шостаковича в постановке Алексея Ратманского с участием Галины Степаненко, Юрия Клевцова, Сергея Филина, Марии Александровой, которые признают, что балет получается очень веселым

балет

Алексей РАТМАНСКИЙ – молодой, одаренный балетмейстер с несомненным чувством юмора. Прекрасный танцовщик, солист Датского королевского балета и один из самых ярких представителей современной отечественной хореографии, он давно любим балетной публикой за остроумный и живой взгляд на искусство танца.

– **Алексей, как возникла идея постановки «Светлого ручья»?**

– Пригласил меня на постановку еще Геннадий Николаевич Рождественский. Мои музыкальные вкусы сформировались во многом благодаря его записям, которые я хорошо знал. Мы обсуждали возможные варианты – «Светлый ручей» Шостаковича, «Шут» Прокофьева, «Прометей» Бетховена. Я выбрал Шостаковича.

– **Говорят, что в репетициях «Светлого ручья» была занята едва ли не вся труппа. Но хореография якобы так сложна, что не каждый имел шанс «дожить» до премьеры?**

– Пять составов на главные партии – это в порядке вещей. Почти все «выжили», правда, некоторые отказались. У кого-то гастроль, у кого-то – проблемы со здоровьем, есть и те, кто ставил условием участие только в премьерном спектакле.

– **Вы впервые работаете над балетом крупной формы в Большом театре?**

– Да, но ощущения катастрофы накануне премьеры нет, хотя постановочный процесс продолжается до последнего дня. Главное – заставить части этого гигантского организма правильно взаимодействовать.

– **В процессе постановки вы строго следуете своему замыслу или прислушиваетесь к артистам?**

– Порой прислушиваюсь, но мне трудно сказать, насколько это продуктивно. Если человек улавливает характер, он предлагает интересные вещи. И я принимаю их в спектакль. Это называется красивым словом «сотворчество», «сотрудничество».

– **Вы занялись хореографией в расцвете исполнительской карьеры и искусству балетмейстера принесли в жертву будущее солиста. Вам стало недоставать одного только танца?**

– Танцевать я люблю и сейчас, но если тебя приглашают ставить в Мариинском и Большом театрах, в

«Ощущения катастрофы накануне премьеры нет, хотя постановочный процесс продолжается до последнего дня. Главное – заставить части этого гигантского организма правильно взаимодействовать».

Моск. Новости – 2003 – 21 апр. С 27.

Алексей Ратманский репетирует «Светлый ручей»

ВЫЖИЛИ ПОЧТИ ВСЕ

Сан-Франциско и Стокгольме – надо выбирать. На танец остается меньше времени. В прошлом сезоне я танцевал в «Макон» Макмиллана и в «Одиссее» Джона Ноймайера.

– **Во всех ваших работах – даже в философском «Среднем дуэте» – заметен ироничный склад ума. В либретто «Светлого ручья» 1935 года о жизни колхозников есть явная идеологическая подоплека. Не слишком ли это просто сейчас – иронизировать на эту тему?**

– «Светлый ручей» я ставлю, как есть, без всякой иронии. Менять либретто мало кому удастся безнаказанно. Это очень деликатный момент. Я уважаю замысел авторов – Шостаковича, Лопухова и Пиотровского. Шостакович искренне писал свой балет, а все, что он имел по этому поводу сказать, слышно в музыке – лай собаки, разговор доярки с трактористом, плач героини. Я стараюсь лишь улавливать все импульсы. Что же касается самой сталинской эпохи, есть ведь не только «Кубанские казаки» или «Веселые ребята», но и документальные кадры,

запечатлевшие людей, полных оптимизма. Не пережив этого времени, невозможно его понять. Знали люди правду о терроре или боялись себе признаться в этом? Моя 95-летняя бабушка уверяет, что они искренне верили в коммунизм, в Сталина. Музыка и либретто балета лишены всякой тени иронии, и глупо ее там искать.

– **Чем вы были заняты в последнее время, кроме «Светлого ручья»?**

– В Королевском оперном театре Стокгольма ставил «Жар-птицу» Стравинского, а в Сан-Франциско – «Карнавал животных» Сен-Санса. Мне хотелось бы ставить только то, что интересно, и пока обстоятельства позволяют.

– **И как у вас выглядит классический «Лебедь»?**

– В «Карнавале животных» действуют кенгуру, рыбки, слоны, ослы, утки, кукушки. В «Лебеде» сохранен рисунок Фокина, известный по хрестоматийному танцу Анны Павловой, но у меня он – большой, печальный, раненый. Все животные собираются вокруг него и сопереживают.

ЗРИТЕЛЬ

– **Вы интересуетесь тем, что происходит в мире современной хореографии?**

– Сейчас интенсивно работает очень много интересных хореографов. Мне нравятся американец Марк Моррис, французы – Маги Марен, Анжолан Прельжокаж, Филипп Декуфле.

– **С какими артистами вы хотели бы поработать в будущем?**

– Из современных исполнителей я считаю необыкновенной балериной Наталью Ледовскую, солистку Театра Станиславского. Всегда хочу работать с созвездием балерин Мариинского театра. Это не меньше десятка удивительных индивидуальностей. Даже не хочется никого выделять – настолько каждая великолепна. Для жены своей ставлю мало, но мы будем вместе танцевать будущим летом. Есть канадская балерина Эвелин Харт, звезда Королевского Виннипегского балета, перевернувшая мое представление о танце. Она все еще выступает, несмотря на зрелый возраст, и настолько гениальна, что я даже не решаюсь к ней обратиться, хотя мы с ней хорошо знакомы.

– **Вы постоянно живете в Дании, где работаете по контракту, но часто уезжаете на постановки. А как адаптировалась в Дании ваша семья?**

– Жене и сыну не хватает русского круга общения. К тому же репертуарная политика Датского королевского балета такова, что жене не часто удается принимать участие в спектаклях.

– **В России, как известно, привыкли к классическим балетам, в то время как на Западе преобладает современный танец. Как вы оцениваете будущее классического балета?**

– Классический балет – это экзотика позапрошлого века. Чтобы проникнуться происходящим на сцене, надо обладать известной долей простодушия. Балетные люди – словно редкие создания, специально выращенные, чтобы исполнять все эти придуманные, неестественные движения, в которых заключена мистическая красота. Так в свое время были выведены пекинесы – небывалая порода собак, встречавшихся только во дворце китайского императора.

По-настоящему сильный эмоциональный отклик вызывает у зрителя все же современный танец – актуальный по стилю, идеям, форме. Хотя зрителя может увлечь и гениальный исполнитель из породы классического балета. Главное – талант и харизма.

Наталья КОЛЕСОВА